

«ГРОМ. СОВЕРШЕННЫЙ УМ»

(Наг-Хаммади, VI, 2)

М. К. Трофимова

Произведение, известное в историографии под названием «Гром. Совершенный Ум»¹, сохранилось в собрании коптских рукописей из Наг-Хаммади в единственном экземпляре. В кодексе VI, в котором оно дошло до нас, включены следующие тексты: «Акты Петра и двенадцати апостолов», «Гром. Совершенный Ум», «Достоверное слово», «Понятие нашей великой силы», отрывок из «Государства» Платона (588 В — 589 В), герметический трактат, условно называемый «О восьмом и девятом», герметическая молитва, «Асклепий». Той же рукой, что и кодекс VI, переписаны кодексы IV, V, VIII и IX. По наблюдениям М. Краузе и Пахора Лабоба, он может быть датирован серединой IV века². «Гром», как и другие тексты из этого кодекса, написан на саидском диалекте коптского языка с отклонениями преимущественно в сторону верхнеегипетских диалектов³. «Гром» занимает таблицы 13—21 рукописи⁴. Подобно прочим произведениям из собрания Наг-Хаммади, «Гром» представляет собой перевод с греческого.

Памятнику посвящена сравнительно небольшая специальная литература, в которой особого внимания заслуживают две работы, появившиеся почти одновременно в 70-х гг. — статья Дж. Мак Рая и Ж. Киспеля⁵.

---

¹ О дискуссии по поводу названия см. *Mac Rae G. W. Discourses of the Gnostic Revealer // Proceedings of the International Colloquium on Gnosticism* (Stockholm, August 20—25 1973). — Stockholm, 1977. — P. 113.

² *Krause M. u. Pahor Labib. Gnostische u. Hermetische Schriften aus Codex II und Codex VI.* — Glückstadt, 1971. — S. 26.

³ *Ibid.* — S. 26, 41—44.

⁴ *Ibid.* — S. 122—132.

⁵ *Mac Rae. Op. cit.* P. 111—122; *Quispel G. Jewisch Gnosis and Mandaean Gnosticism. Some Reflection on the Writing «Brontè» // Colloque du Centre d'Histoire des Religion* (Strasbourg, 23—25 octobre 1974). — Leiden, 1975. — P. 82—122.

Первая из них принадлежит перу исследователя, переводившего «Гром» для издания «Библиотека из Наг-Хаммади на английском языке»⁶. Мак Рай относит памятник к жанру эллинистических откровений, где использована форма «я есмь», широко представленная в гностической традиции, в частности, в документах из Наг-Хаммади. Автор подчеркивает своеобразие памятника, его единственность в эллинистической и римской литературе. За недостатком данных Мак Рай категорически отказывается датировать его⁷. Памятник, согласно Мак Раю, лишен повествовательного обрамления, написан от первого лица женского рода, не названного по имени, видимо, какого-то божества, преимущественно в стиле «я есмь». Ученый подчеркивает, что ему известно очень мало параллелей к содержанию документа в гностической или библейской литературе. По его словам, в целом «Гром» не имеет ничего специфически христианского или иудейского, нет в нем и ясного отношения к гностической мифологии⁸. Самой отличительной чертой «Грома» Мак Рай считает антитетический, даже парадоксальный характер утверждений, сделанных в форме «я есмь»: «Говорящая не только называет себя источником или сущностью добра, мудрости, знания и проч., но и отождествляет себя с противным. Это именно та черта произведения, которая разительно отличает его утверждения «я есмь» среди подобных в откровениях, будь то гностических или иных»⁹.

Свои сопоставления отдельных пассажей «Грома» с отрывками из Библии, ареталогических надписей Исида, с индуистскими, иранскими и мандейскими текстами, с фрагментами из Гераклита, наконец, с двумя местами из пятого и четвертого произведений II кодекса Наг-Хаммади — ученый заключает попыткой ответить на вопрос, что означает необычный документ, который он анализирует. Мак Рай утверждает следующее. Первое. Определения в форме антитезы и парадокса имеют целью подчеркнуть, что божество «полностью запредельно по отношению к миру с его космологическими, социальными, этическими и религиозными ценностями»¹⁰. Второе. Отрешение от ценностей мира есть выражение основополагающей дуалистической перспективы гностиков. Наконец, третье. К чему приводит подобное отрешение в этике? Иринеи сформулировал это относительно Карпократа и его последователей, которые учили, что по мнению людей одно есть добро, а другое зло, хотя по природе

⁶ The Nag Hammadi Library in English. — Leiden, 1977. — P. 271—277. Первый немецкий перевод и транскрипция «Грома» имеются в кн.: Krause M. u. Pahor Labib. Op. cit. — S. 122—132.

⁷ Mac Rae. Op. cit. — P. 112—113.

⁸ Ibid. — P. 114.

⁹ Ibid. — P. 114—115.

¹⁰ Ibid. — P. 121.

ничего нет злого (Adv. haer., I, 25,5). Таким образом, полагает Мак Рай, хотя памятник прямо не соприкасается с каким бы то ни было гностическим мифом, по своему умонастроению он глубоко гностичен¹¹.

Другой знаток текстов Наг-Хаммади Ж. Киспель рассмотрел «Гром» в истории гностических идей и мифологии неортодоксального иудаизма. Подмечая в тексте следы влияния эллинистической среды, Ж. Киспель шел I в. и Александрию наиболее вероятными временем и местом создания оригинала¹². Амбивалентные утверждения «Грома», как и некоторых привлекаемых текстов, Киспель связывает с монистическим принципом. Но это отнюдь не дуализм в смысле признания фундаментальных оппозиций реальности¹³.

В труде Киспеля, по его собственному признанию, во многом гипотетическом, привлечен не только разнообразный материал для сравнения некоторых пассажей «Грома» с другими источниками, но и предпринята попытка соотнести памятник с историей мифологии и религиозной мысли древности и средневековья.

Можно, однако, идти к пониманию того единственного текста «Грома», которым мы располагаем, не от параллелей его отдельным местам или связи с тем или иным историко-культурным феноменом, но несколько иначе. А именно: уяснив, какие связи обнаруживаются между разными частями «Грома», на какие соображения наталкивают построение и характер повествования, что собственно представляет собой текст в целом. Этому не было уделено достаточного внимания в известных нам работах, а потому мы и поставили перед собой подобную задачу.

Начнем наш разбор с первой строки таблицы 13, содержащей, видимо, название произведения: «Гром. Совершенный Ум»¹⁴. В названии две части. Что касается первой, близость понятий «божество» и «гром» в разных традициях отмечена уже Мак Раем. Слово «гром» и по-коптски и по-гречески женского рода. Текст произведения также дан от первого лица женского рода. Вторая часть названия — «Совершенный Ум» — может быть переведена, по справедливому замечанию Киспеля, и как «Полный Ум»¹⁵. Это словосочетание есть и в самом тексте.

В литературе подчеркивается, что «Гром» содержит ряд самоопределений говорящей. Это, разумеется, так, но все они произносятся как речь, направленная другим. То же относится

¹¹ Ibid. — P. 122.

¹² *Quispel*. Op. cit. — P. 86.

¹³ Ibid. — P. 105—107.

¹⁴ Переводы отрывков из «Грома» выполнены автором с коптского языка по изданию текста в упомянутой книге М. Краузе и Пахор Лабиба.

¹⁵ *Quispel*. Op. cit. — P. 82.

к обращениям, заветам и заповедям, содержащимся в «Громе» На это обстоятельство, на подразумеваемое существование слушающих, поучаемых, обличаемых, чья реакция в известной степени организует движение речи, характер самоопределений и наставлений, — исследователи не обращали внимания. При смотримся же, как складывается в монологе общение с теми к кому он повернут, общение, которое составляет его стержень. Об этом прямо говорится в начале и в конце произведения, и это в разных формах дает знать о себе на протяжении всего повествования.

Памятник можно представить в виде сменяющих друг друга блоков — обращений (О) и блоков — самоопределений (С) Они распределяются следующим образом: I О: 13,2 — 15; I С 13,16 — 14,15; II О: 14,15 — 25; II С: 14,26 — 34; III О: 14,34 — 15,24; III С: 15,25—30; IV О: 15,31 — 16,3; IV С: 16,3 — 17,3 V О: 17,6 — 18,6; V С: 18,7 — 20,8; VI О: 20,9 — 28; VI С 20,28 — очевидно, до начала таблицы 21; VII О: 21,... 8 — 32

Обратимся к началу: «Я послана Силой. И я пришла к тем кто думает обо мне. И нашли меня среди тех, кто ищет меня Смотрите на меня те, кто думает обо мне! Те, кто слушает, да слышат меня! Те, кто ждал меня, берите меня себе. И не гоните меня с ваших глаз! И не дайте, чтобы ваш голос ненавидел меня, ни ваш слух! Да не будет не знающего меня нигде и ни когда! Берегитесь, не будьте не знающими меня!» (13,2—15) Следующее за этим самоопределение: «Ибо я первая и последняя» (13,16)¹⁶ — первое звено в длинной цепи подобных высказываний, которые воспринимаются как поясняющие, почему необходимо излагаемое знание слушателям.

Для нашего обзора композиции неважно, что в I С можно различать влияние ареталогической традиции Исиды, что велико сходство с отрывками из двух гностических трактатов и Наг-Хаммади, что есть буквальные совпадения с книгой Исиды и с «Откровением Иоанна» и т. д. (Тщательные сопоставления уже проделаны комментаторами). Важно другое. Хотя отдельные куски текста восходят в своих истоках к различной традиции, в ткани произведения они составляют некое единство. Разнообразные, нередко поражающие, на первый взгляд, своей противоречивостью самоопределения имеют одну цель — дать представление о всеобъемлющей природе того, кто обращается с речью: говорится ли об отношениях родства, о восприятии людей, поведении, взят ли в самоописании космологический гносеологический или антропологический аспект. Думается, что далеко отстоящие друг от друга определения связаны между собой отношением «и... и...», а не «или... или...». Речь иде-

---

¹⁶ Здесь и далее в подобных случаях используется выражение «я есмь»

при всем многообразии проявлений об одном всепроникающем, всюду обнаруживающем себя начале.

Не поэтому ли так органична связь говорящего лица с теми, к кому оно обращается, первого — содержащего в себе разные полюсы, и вторых — столь же неодинаково относящихся к ведущему (вернее, ведущей) речи?

Намеченному в I С: «Я почитаемая и презираемая. Я блудница и святая» (13,16—18) и т. д. есть соответствие в следующих затем обращениях к другим (II О), чье противоречивое отношение к говорящей обрисовывается («Почему вы, кто ненавидит меня, вы, кто любит меня? Вы, кто отвергает меня, признаете меня! И вы, кто признает меня, отвергаете меня!» — 14,15—20). Обращением к ним, характером их восприятия вызван переход к новым самоопределениям (II С): «И вы, кто говорит правду обо мне, лжете обо мне! И вы, кто солгал обо мне, говорите правду обо мне! Вы, кто знает меня, станете незнающими меня! И те, кто не знал меня, да познают они меня! Ибо я знание и незнание» (14,20—27).

Для удобства рассмотрения композиции «Грома» мы отделили блоки обращений и самоопределений. Но границы между ними нередко стерты. Уже в II С самоопределения перемежаются обращением к другим и цепь заповедей продолжается дальше в II О: «Я твердость и я боязливость. Я война и мир. Почитайте меня! Я презираемое и великое. Почитайте мою бедность и мое богатство!» (14,30—15,1). И в самом блоке III О, в предупреждениях и запретах внимающим, говорится о произносящей речь, об отношении к ней: «Не будьте высокомерны, когда я брошена на землю! И вы найдете меня среди идущих. И не смотрите на меня, (низвергнутую) в кучу навоза, и не уходите и не оставляйте меня, когда я брошена. И вы найдете меня в царствии» (15,2—9). Но эти оброненные то тут, то там замечания говорящей о себе подчинены задаче наставить других, передать знание им, изменить их. III О насыщено этим обращенным к другим самоописанием — косвенным, а в 15,15—16 и прямым («Я же, я милосердна и я немилосердна»).

Снова плавный переход от сочетающего в себе крайности восприятия людей в III О к самоопределениям III С: «В самом деле, почему презираете вы мой страх и проклинаете мою гордыню? Но я та, кто во всяческих страхах, и жестокость в трепете» (15,22—27). Экспрессия нарастает, все отчетливее дает знать о себе тема знания — незнания, с самого начала связанная с говорящей (13, 13—15), вспыхивающая и далее (14,23—27, особ. 26—27: «Ибо я знание и незнание»), все глубже захватывающая текст.

За новым самоопределением: «Я неразумна и я мудра» (15,29—30) — следует IV О с вопросами к слушающим, предваряющими расширенный ответ на них говорящей в IV С о зна-

нии и мудрости варваров и греков («Ведь я мудрость эллинов и знание варваров. Я суд над эллинами и варварами» — 16,3—6). Противопоставление знания — незнанию сменяется другими: жизнь — смерть, закон — беззаконие. (Отрывок 16,1—9, помимо прочего, интересен сравнительно редкими в документах из Наг-Хаммади упоминаниями таких реалий, как Египет, эллины, варвары. Заметим попутно, что Египет вторично назван в том же сборнике, где переписан «Гром», в герметическом произведении «Асклепий»). После ряда поворотов темы знания, как бы удаления от нее («Я, я безбожна, и я, чьих богов множество» — 16,24—25), снова звучит: «Я немудрая, и мудрость получают от меня» (16,27—29).

В таких же контрастах, как сама говорящая, повествуется об отношении к ней ее слушателей. В их восприятии она видит себя, как в зеркале, недоумевая из-за искажений, задавая вопросы: «Почему... почему...», — и тут же как бы отвечая на них указанием на свое многообразие в том или ином смысле.

В О, следующее за испорченным местом, частично восстанавливаемое, содержит советы, выраженные таким же, что и предыдущий текст, образным и во многом темным для нашего понимания языком. Это наставления, как обрести говорящую. И образный строй «Толкования о душе»¹⁷, и тема детства в новозаветной традиции и другое напрашивается для сравнения. Но если нечто похожее лежит у истоков текста, приходится решать, относится ли это к плану выражения или содержания памятника. Заметим попутно, такой вопрос возникает постоянно. Скажем, Киспель в связи с цитированным выше отрывком 13,18 вспоминает шумерские и аккадские тексты 3000 г. до н. э., где о богине Иштарь говорится как о священной блуднице¹⁸. Есть ли связь и какая между этими столь далеко по времени отстоящими друг от друга документами? Видеть ли в «Громе» след архаических верований в «супругу Бога», которые Киспель улавливает даже в Библии, или метафору, не имеющую содержательной подосновы? Ответ на эти вопросы всякий раз требует специального исследования, но многое зависит и от нашего общего понимания памятника, сути его образного языка.

Новая серия самоопределений (VC) по обыкновению начинается с того же, о чем говорилось в предыдущем обращении (17,35—18,1: «Не отделяйте меня от первых, которых вы [познали]» и 18,7—8: «Я знаю, я, [первых], и те, кто после меня, они знают [меня]»). В этих строках содержится намек на роль посредницы, который есть и в самом начале произведения

¹⁷ Наг-Хаммади, II, 6. Русский пер. в кн.: Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма: Наг-Хаммади, II, сочинения 2, 3, 6, 7. — М., 1979. — С. 188—192.

¹⁸ *Quispel*. Op. cit. P. 89—90.

(13,2—4). Это воспринимается как ряд качественных понижений, но не разорванный, а связанный, в первом случае — говорящей, во втором — знанием.

Следующее дальше определение: «Я же [совершенный] Ум и покой» (18,9—10) — побуждает вспомнить название, где «совершенный Ум» упомянут рядом с «Громом». Судя по общей тексту определенности — совмещать далеко отстоящие друг от друга определения, однако, имеющие отношение к одному началу, — и здесь эти два определения, возможно, объединены не случайно. Заглавие «Гром. Совершенный Ум» указывает на одну смысловую перспективу, здесь же — «Я же [совершенный] Ум и покой» — на другую. Вместе с тем, повторение слов «совершенный Ум» позволяет думать, что речь идет об одном начале, лишь освещаемом с разных сторон.

Тема знания, с каждой строкой сильнее и обнаженнее звучащая в памятке, все теснее сплетает в нечто единое говорящую и слушающих: «Я знание моего поиска и находка тех, кто ищет меня, и приказание тех, кто просит меня» (18,11—13).

И дальше слышится мотив, который со всей мощью проходит в конце — дается определение, выходящее за рамки земной жизни слушающих (18,14—20). Но текст возвращается к знакомым образам мира и войны (ср. 14,31—32), чужака и общинника, чтобы опять погрузиться в сферу наиболее общих категорий: «Я сущность и то, что не есть сущность» (18,27—28).

Отрывок 18,27—19,4 заслуживает внимания, будучи примером того, как обыгрывается одно слово (в данном случае ουσία), делая постепенным переход к ведущей теме знания, как осуществляется «сползание» смысла через замещение одного слова в сходных, на первый взгляд, предложениях.

Самоопределения, следующие дальше, с акцентом на противоположных качествах, лаконичны и выразительны. Крайние возможности, присущие одной природе, простираются в таких утверждениях, как: «Я немая, которая не может говорить, и велико мое множество слов» (18,23—25), «Я та, кто зывает, и я та, кто слышит» (18,33—35) и проч.

Самый затяжной пассаж с самоопределением сменяют обращения (VI O), которые заставляют слушателей по-иному взглянуть на самих себя. Это подготовка финала, и она дана совсем в ином ключе, чем остальной текст. Провозглашается единство внешнего и внутреннего в людях: «Ибо ваше внутреннее есть ваше внешнее, и кто слепил внешнее ваше, придал форму вашему внутреннему. И то, что вы видите в вашем внутреннем...» (20,18—24). Эту мысль сопровождают слова, подчеркивающие доступность и недоступность говорящей (VI C): «Я это слух, который доступен каждому. Я речь, которая не может быть схвачена» (20,28—31).

Мы подходим к финалу, но лакуна прерывает текст. За ней

идет последнее обращение (VII О), отчасти перекликающееся с 18,15—20: «Так внимайте, слушающие, и вы также, ангелы и те, кто послан, и духи, которые восстали от смерти» (21,13—18). И далее вместо крайностей прежних самоопределений контрастов в восприятии речи — финал, выдержанный совсем в другом духе: единения, умиротворенности, постоянства: «Ибо я то, что одно существует, и нет у меня никого, кто станет судить меня. Ибо много привлекательных образов, которые существуют в многочисленных грехах, и необузданности, и страстях постыдных, и наслаждениях преходящих, и они схватывают их (людей), пока те не станут трезвыми и не поспешат к своему месту успокоения. И они найдут меня в этом месте и будут жить и снова не умрут» (21,18—32).

Итак, к каким умозаключениям и предположениям мы приходим, проделав опыт такого прочтения «Грома», при котором доминирует намерение, задерживая внимание на частностях, не упускать из виду целостности памятника, внутренних связей скрепляющих текст?

Контрастность во всем — в композиционно-стилистическом строе произведения, в его содержании — не только не разрушает единства, напротив создает и утверждает его. Текст, будучи по своей форме монологом, по сути строится на отношениях между провозглашающей его и теми, к тому обращена речь. Самоопределение говорящей (род самопознания), спровоцированное существованием других, тех, кому говорящая открывает себя, ее собственное отражение в их сознании, в свою очередь, воспринятое ей, — эта игра отражений, подобий и искажений, эффект зеркала, хорошо знакомый по документам из Наг-Хаммади (ср. «Апокриф Исаиана») — делает связь между говорящей и слушающими столь тесной, что обе стороны, перебрав всю гамму отношений — от взаимного отталкивания до тяготения — в конце концов, предстают в единении.

Но единство говорящей и слушающих ощутимо не только в последней части, где противоположности как бы сходят на нет. Оно есть также там, где контрастности самоопределений говорящей соответствует так или иначе одностороннее восприятие слушающих, не способных увидеть единства в этих крайностях.

Наконец, контрастность, подчиненная цельности, есть и в композиции памятника. Первая часть с ее противоположными определениями говорящей уступает место заключительной, где речь держит единое. Это еще одно проявление принципа, пронизывающего «Гром»: единства в противоположностях.

Поэтому, отдавая должное Мак Раю и Киспелю, чьи исследования во многом продвинули понимание памятника, мы не можем во всем согласиться с ними. Нам трудно принять интерпретацию Мак Рая, считавшего, что написанный в духе апофатки памятник провозглашает полную запредельность боже

ства, и все самоопределения первой части имеют в виду не реальность, но только мнения людей. Мы думаем иначе: и первая часть и заключение говорят о реальности, но разных уровней. То начало, от имени которого ведется в «Громе» речь, заявляет о своем присутствии и на одном уровне — во множестве противоположных явлений, и на другом — лишенном этих контрастов. Это уровни реальности, объединенные наличием общего всему начала. «Я есмь» — в сочетании с противоположными определениями повторяется с первых же строк, «Я есмь то, что одно существует» — слышится в финале произведения.

Поэтому нам представляется, что нет оснований применительно к нашему документу говорить об «основополагающей дуалистической перспективе гностика»¹⁹. Вырисовывается иная картина. Двойственность мира человеческих ценностей, которую в их единстве до поры до времени не воспринимают люди, отвечает реальности первого уровня, в котором являет себя божество. Эта реальность существует, пока она не осознана. С ее осознанием, ее «заклинанием» появляется возможность перехода к реальности иного уровня, открываемой «отрезвленными» людьми.

Единство задается памятнику не только говорящей, но и людьми, на первом уровне — ошибающимися, наставляемыми, прорезающими, и на втором — обретающими жизнь.

Единство сообщает «Грому» и тема знания (незнания), пропозывающая его. Самоопределения держащей речь должны помочь слушателям познать себя. Это все та же властно заявляющая о себе в гностических документах тема знания как самопознания. Напоминающий заклинание, текст подчинен тому, чтобы направить людей, раскрыть цельность разобщенного в их уме и противоречивого, перевести их на новую ступень восприятия — реальности. В этой протрешетической установке своеобразно отражается социальная природа памятника.

Наконец, последнее. Тексту близко единство художественного произведения с его внутренней уравновешенностью и законченностью. С такой точки зрения финал памятника, разрешающий напряженность предшествующих противопоставлений, преобразующий их, переводящий все в новую плоскость, — вполне оправдан эстетически. Возможно, художественные достоинства «Грома» вызвали восторженный отзыв о нем Киспеля, который писал, что выразительнее произведения он не знает. Нам уже доводилось обращать внимание на черты гностической активности, заставляющие сблизить ее с эстетической, на эстетическую окраску гностического умонастроения²⁰.

¹⁹ *Mac Rae*. Op. cit. — P. 121.

²⁰ *Трофимова*. Указ. соч. — С. 42—50. Она же. Гносис и эстетическая деятельность // Палестинский сборник. — Л., 1986. — Вып. 28(91). — С. 121—127.

В «Громе» легко уловимы приметы художественного творчества: в динамической композиции и стилистике, где мастерски использована игра света и тени.

Словом, если пытаться характеризовать суть и пафос памятника, нельзя забыть о его художественной форме, в которую отлилась мысль о единстве, являющем себя во множестве противоположностей — онтологических, гносеологических, социальных, культурных. Причудливое сочетание в тексте кусков, являющихся разными истоками, переплавка этого неоднородного материала в одном горне, переосмысление и порой приравнивание многообразных образов и понятий друг другу — в духе поздней античности, поклонения тысячеименной Исиде, стремления Филона Александрийского сблизить Платона и Библию, обращения христианских богословов к античной мифологии и философии и т. д. Эти явления принадлежат эпохе, когда памятник был создан и переписан в собрание рукописей Наг-Хаммади.

Что же касается этого собрания, «Гром» там не одинок. Божество, от имени которого ведется речь, в некотором смысле сродни Софии Эпинойе из «Апокрифа Иоанна». Разумеется, можно говорить лишь о каких-то чертах сходства, подсказанных неоднородностью образа, совместившего в себе знание и незнание. Другой памятник иного характера, чем «Апокриф Иоанна» — «Толкование о душе», где влияние христианских идей весьма ощутимо, также напоминает «Гром» мучающимся своим падением и раздвоенностью главным действующим лицом произведения — душой. Несомненная близость, отмеченная всеми комментаторами, есть у отрывка из «Грома» с двумя текстами из второго кодекса Наг-Хаммади — четвертым и пятым²¹. Как ни далеки могут быть по своему происхождению эти памятники, для определенного сознания, в большей или меньшей степени окрашенного влиянием гностического умонастроения для составителей кодексов, их заказчиков и читателей они обладали известным единством. Недаром в шестом кодексе вместе с «Громом» оказалось несколько памятников, близких христианской традиции, а также герметических, не говоря об отрывке из «Государства» Платона. В этом пестром наборе издателями английских переводов²² было справедливо отмечено влияние гностического мировосприятия в идеях и образах.

Упоминая о связях «Грома» с документами, близкими по времени, не стоит забывать о жизни выраженных в нем мыслей в будущем — даже таком отдаленном, как Возрождение. Пусть мифологизирована речь памятника, произносимая неким женским божеством. Эта речь создает такое представление о мире

---

²¹ Nag Hammadi II, 4; 5.

²² Nag Hammadi Library. — P. 265, 278, 285, 290, 292, 298, 300.

как о целом, которое со временем вдохновит и Фичино, и Джордано Бруно, и многих других²³.

Наг-Хаммади, VI, 2, табл. 13—21

(Табл. 13)

(1) Гром. Совершенный Ум.	(18) Я блудница и святая.
(2) Я послана	(19) Я жена и
(3) Силой. И я пришла к тем, кто	(20) дева. Я мать
(4) думает обо мне. И нашли меня	(21) и дочь. Я члены тела
(5) среди тех, кто ищет меня.	(22) моей матери. Я неплодность,
(6) Смотрите на меня те, кто думает обо мне!	(23) и есть множество ее сыновей. Я
(7) Те, кто слушает, да слышат меня!	(24) та, чьих браков множество, и
(8) Те, кто ждал меня, берите меня себе. И не гоните меня	(25) я не была в замужестве. Я облегчающая роды
(9) с ваших глаз!	(26) и та, что не рожала. Я
(10) И не дайте, чтобы ваш голос	(27) утешение в моих родовых муках. Я
(11) ненавидел меня, ни ваш слух!	(28) новобрачная и новобрачный.
(12) Да не будет не знающего меня	(29) И мой муж тот, кто
(13) нигде и никогда! Берегитесь,	(30) породил меня. Я мать
(14) не будьте не знающими меня!	(31) моего отца и сестра моего
(15) Ибо я первая и последняя. Я	(32) мужа, и он мой отпрыск.
(16) почитаемая и презираемая.	(33) Я раба того, кто
	(34) приготовил меня. Я госпожа

(Табл. 14)

(1) моего отпрыска. Но он тот, кто породил меня	(18) Вы, кто отвергает меня, признаёте
(2) до времени в род	(19) меня! И вы, кто признает
(3) рождения. И он мой отпрыск	(20) меня, отвергаете меня! И вы, кто говорит
(4) во времени, и моя сила	(21) правду обо мне, лжете обо мне! И
(5) от него. Я опора	(22) вы, кто солгал обо мне, говорите правду обо мне!
(6) его силы в его детстве, (и)	(23) Вы, кто знает меня, станете
(7) он посох моей	(24) не знающими меня! И те, кто не
(8) старости. И что он желает,	(25) знал меня, да познают они меня!
(9) случается со мной. Я молчание,	(26) Ибо я знание и
(10) которое нельзя постичь, и мысль,	(27) незнание. Я
(11) которой воспоминаний множество.	(28) стыд и дерзость.
(12) Я глас, который многогласен,	(29) Я бесстыдная, я
(13) и слово, которое многовидно.	(30) скромная. Я твердость и
(14) Я изречение	(31) я боязливость. Я война
(15) моего имени. Почему те, кто ненавидит меня,	(32) и мир. Почитайте
(16) вы, кто любит меня, и	(33) меня! Я презираемое
(17) вы ненавидите тех, кто любит меня?	(34) и великое. Почитайте мою

²³ Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения / Пер. с итальян. — М., 1986. — С. 334—336, 345, 346.

(Табл. 15)

(1) бедность и мое богатство!	(17) не ненавидьте мое послушание
(2) Не будьте ко мне высокомерны, когда я	(18) и моей воздержанности
(3) брошена на землю! И	(19) не любите. В моей слабости
(4) вы найдете меня среди идущих.	(20) не покидайте меня и
(5) И не смотрите	(21) не бойтесь моей силы.
(6) на меня, (попранную) в кучу навоза, и не уходите	(22) В самом деле, почему презира
(7) и не оставляйте меня, когда я брошена.	(23) ете вы мой страх и
(8) И вы найдете меня в	(24) проклинаете мою гордыню?
(9) царствии. И не смотрите	(25) Но я та, кто во
(10) на меня, когда я брошена среди тех,	(26) всяческих страхах, и жесто кость
(11) кто презираем, и в местах скуд- ных,	(27) в трепете. Я та, которая слаба
(12) и не глумитесь надо мной.	(28) и я невреждена в
(13) И не бросайте меня к тем,	(29) месте наслаждения. Я
(14) кто искалечен, в насилии.	(30) неразумна и я мудра.
(15) Я же, я милосердна	(31) Почему вы возненавидели меня
(16) и я немилосердна. Берегитесь,	(32) в ваших советах? Потому что
	(33) буду молчать среди тех, кто молчит,
	(34) и я явлюсь и скажу.

(Табл. 16)

(1) И почему возненавидели меня вы, эллины?	(19) и вы собрали меня.
(2) Потому что я варвар среди	(20) Я та, перед кем вы стыдились
(3) варваров? Ведь я мудрость	(21) и вы были бесстыдны передо мной.
(4) эллинов и знание	(22) Я та, которая не празднует,
(5) варваров. Я суд над эллинами	(23) и я та, чьих праздников мно жество.
(6) и варварами. Я	(24) Я, я безбожна, и
(7) та, чей образ многочислен в Египте	(25) я, чьих богов множество.
(8) и чьего образа нет среди вар- варов. Я та, кого возненавидели	(26) Я та, о которой вы подумали
(9) повсюду и кого возлюбили	(27) и вы пренебрегли мною. Я
(10) повсюду. Я та, кого зовут	(28) немудрая, и мудрость получаю:
(11) «жизнь», и вы назвали «смерть».	(29) от меня. Я та, которой вы
(12) Я та,	(30) пренебрегли, и
(13) кого зовут «закон»,	(31) вы думаете обо мне. Я та,
(14) и вы назвали «беззаконие».	(32) от которой вы сокрылись, и
(15) Я та, кого вы преследовали,	(33) вы открываетесь мне. Но когда
(16) И я та, кого вы схватили.	(34) вы скрываете себя,
(17) Я та, кого вы рассеяли,	(35) я сама откроюсь.
(18) Я та, кого вы рассеяли,	

(Табл. 17)

(1) Ибо [когда] вы	(5) [...] неразумное [...]
(2) откроетесь, я сама	(6) [...]. Возьмите у меня
(3) (скроюсь) от вас. Те, кто	(7) [знание] из печали
(4) [...] через него [...]	(8) [сердечной] и возьмите меня

(9) к себе из знания	(24) первых творениях.
(10) [и] печали [сердечной]. И возьмите	(25) Идите к детству
(11) меня к себе из мест	(26) и не ненавидьте его,
(12) презренных и из разорения.	(27) потому что оно ничтожное и малое.
(13) И награвьте в тех, какие	(28) И не отвращайте
(14) хорошие, хотя бы презренно.	(29) великостей в частях
(15) От стыда возьмите меня	(30) от малостей,
(16) к себе бесстыдно.	(31) ибо познаваемы малости
(17) И от бесстыдства	(32) великостями. Почему
(18) и стыда унижайте мои члены в ваших. И	(33) вы проклинаете меня
(19) идите ко мне	(34) и почему вы почитаете меня?
(20) те, кто знает меня и кто	(35) Вы избili и вы
(21) знает мои члены, и	(36) сжалились. Не отделяйте меня от первых,
(22) вы создадите великих в малых	

(Табл. 18)

(1) которых вы [познали]. И не	(19) пребывают со мной, и жен, которые
(2) изгоняйте никого [и не]	(20) пребывают во мне. Я та, которая
(3) возвращайте никого [...]	(21) почитаема и которой воздают славу
(4) [...] возвращайтесь [...]	(22) и которой пренебрегают
(5) не [зна]ет его [...]	(23) с презрением. Я
(6) [...] то, что мне принадлежит [...]	(24) мир, и война
(7) Я знаю, я, [первых], и	(25) произошла из-за меня. И я
(8) те, кто после меня, они знают [меня].	(26) чужая и горожанка.
(9) Я же [совершенный] Ум	(27) Я сущность и то, что не
(10) и покой [...].	(28) есть сущность. Те, кто произошел
(11) Я знание моего поиска и	(29) от сосуществования со мной,
(12) находка тех, кто ищет меня, и	(30) не знают меня. И те, кто в моей
(13) приказание тех, кто просит меня,	(31) сущности, те знают меня.
(14) и сила сил в моем зна-	(32) Те, кто близок мне, не знают
(15) нии ангелов, которые посланы	(33) меня. И те, кто далек
(16) по моему слову, и богов	(34) от меня, те познали меня.
(17) в их время (вар.: среди богов)	(35) В день, когда я близка
(18) по моему совету,	
(19) и духов всех мужей, которые	

(Табл. 19)

(1) [вам, я] далека от	(12) и я развязывающее. Я
(2) [вас. И] в день, когда я	(13) нисходящее вниз и
(3) [далека] от вас,	(14) поднимаются ко мне. Я суд
(4) [я близка] вам. Я	(15) и оправдание. Я, я
(5) [одеяние] сердец.	(16) безгрешна, и корень
(6) [И я] природы (мн. ч. — М. Т.). Я	(17) греха произрастает из меня.
(7) [...] творение духа	(18) Я вождение для
(8) [и про]винность душ.	(19) видения, и душевная
(9) [Я] захватывание и не-	(20) сдержанность есть во мне. Я
(10) захватывание. Я связь и	(21) слух, который доступен
(11) развязывание. Я неподвижность	(22) каждому, и речь, которая не может быть

(23) схвачена. Я немая,	(29) {...} наземь {...}, и бросаю
(24) которая не может говорить, и	(30) меня наземь.
велико	(31) Я та, кто приготовила хлеб,
(25) мое множество слов. Слушайте	(32) и мой ум внутри. Я знание
(26) меня в уступчивости и вы	(33) моих имен. Я
(27) получите от меня учение в твер-	(34) та, кто взывает, и я та,
дости.	(35) кто слышит.
(28) Я та, кто взывает	

(Табл. 20)

(1) Я являюсь [и]	(18) схватить вас? Ибо ваше
(2) иду в [...]	(19) внутреннее есть ваше
(3) природа [...]	(20) внешнее, и кто слепил внешнее
(4) знак [...]	(21) ваше, придал форму
(5) [...]. Я это [...]	(22) вашему внутреннему. И то, что
(6) [...] их защита [...].	(23) вы видите в вашем внешнем
(7) Я та, которую называют	(24) вы видите в вашем внутреннем
(8) «истина». И несправедливость	(25) это явлено и это ваше одеяние
[мое имя]	(26) Слушайте меня, слушающие,
(9) Вы почитаете меня [...]	(27) и примите поучение моих слов
(10) и вы нащептываете против [ме-	(28) вы, кто знает меня! Я это
ня]. [...]	(29) слух, который доступен каждо-
(11) побеждающие их. Судите	му.
(12) их, пока они не совершили суд	(30) Я речь, которая не
над вами,	(31) может быть схвачена. Я
(13) ибо судья и пристрастие	(32) имя голоса и голос
(14) есть в вас. Если вы судимы	(33) имени. Я знак
(15) этим, кто	(34) писания и проявленность
(16) оправдает вас? Или если вы	(35) разделения. И я
(17) оправданы им, кто сможет	

(Табл. 21)

(строки 1—3 отсутствуют. —
М. Т.)

(4) [...] свет [...]	(20) кто станет судить меня. Ибо
(5) [...] и [...]	много
(6) [...] слушающие [...]	(21) привлекательных образов, кото-
(7) [...] вам [...]	рые
(8) [...] великая сила. И	(22) существуют в многочисленных:
(9) [...] не поколеблет имени.	грехах,
(10) [...] тому, кто создал меня.	(23) и необузданности (мн. ч. —
(11) Я же, я произнесу его имя.	М. Т.)
(12) Так смотрите на его слова и пи-	(24) и страстях постыдных,
сания,	(25) и наслаждениях преходящих,
(13) которые исполнились. Так вни-	(26) и они схватывают их [людей]
майте,	(27) пока те не станут трезвыми!
(14) слушающие, и	(28) не поспешат к своему месту
(15) вы также, ангелы,	упокоения.
(16) и те, кто послан,	(29) И они найдут
(17) и духи, которые восстали от	(30) меня в этом месте и
(18) смерти. Ибо я то,	(31) будут жить и снова не
(19) что одно существует, и нет у	(32) умрут.
меня никого,	